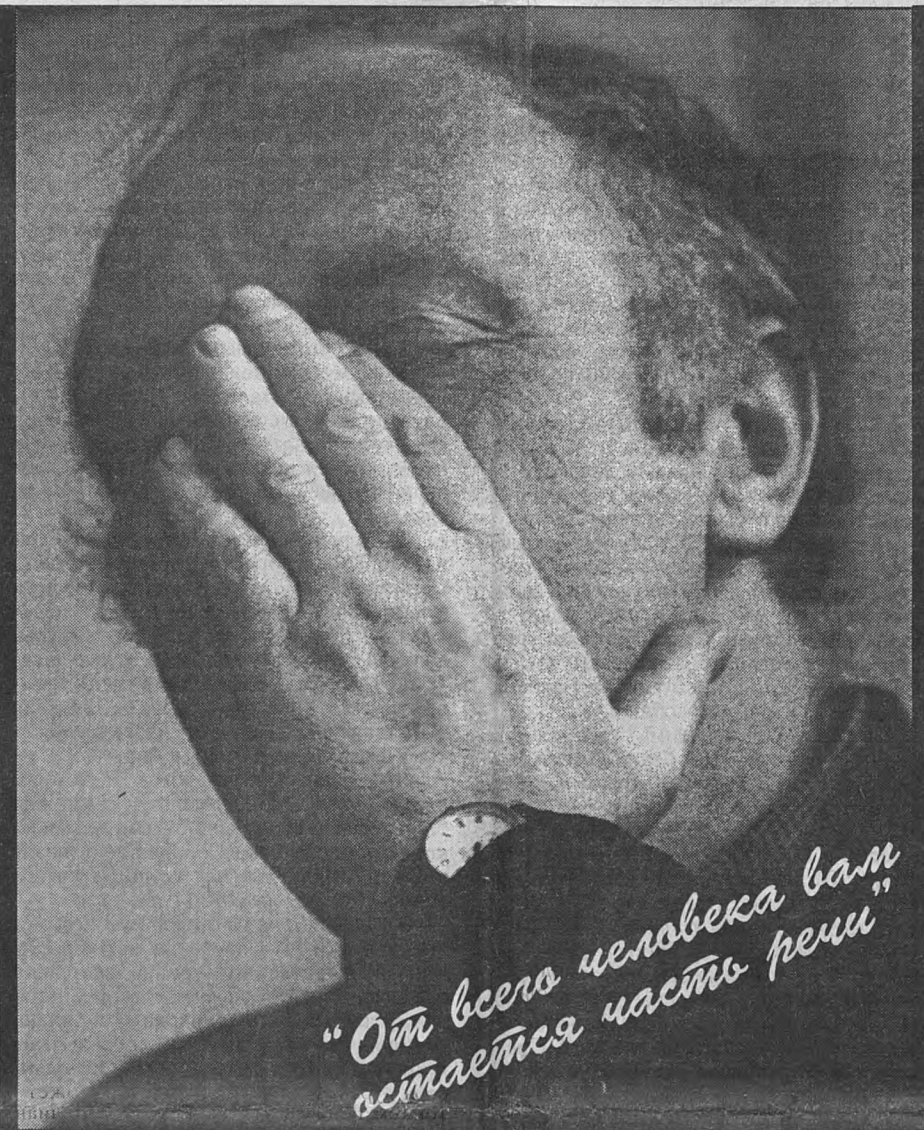

Вит. 2005 - 1996 - 28 февр. - 65
Послесловие

как завещание поэтам нового века

Обобщения — вещь опасная и, применительно к явлению столь перенасыщенному, как наша литература конца XX-го века — тем более. Тем не менее, подозрение, что преобладающей ее тональностью является тональность трагико-нигилистической, становится все более очевидным. Параметры эти читателю хорошо знакомы и свидетельствуют не столько даже о загнивании сознания, сколько о стилистической инерции, во власти которой находится современное перо. Выходящее из-под него сегодня, подобно закону, пытающемуся обрести обратную силу, производит настоящее впечатление написанного в некоем позавчера, оперируя реалиями и поэтикой, восходящими к 60-м или 70-м годам. Это, разумеется, объясняется тоской по твердой почве и общей системе координат, к которой наша поэзия за семьдесят лет сильно привыкла. Сталкиваясь с раздробленностью современного ей опыта и сознания, с беспреемственностью и непредсказуемостью обзоров будущего, она, естественно, отворачивается в знакомую ей сторону. Другими словами, она демонстрирует свою глубокую консервативность, особенно откровенно проявляющуюся именно в ериче-

ской тенденции, возводимой, разумеется, к скоморошеству, на деле же всегда являющейся голосом интеллектуальной неполноценности, бегством от неизвестного. Явление это — повальное. Стихи Дениса Новикова привлекают прежде всего полной автономностью их дикции. Лексический их состав хронологически сомнений не вызывает, сообщая об авторе куда больше, чем метрическое свидетельство. Биография поэта — не в обстоятельствах места и времени, тем более — не в предисловии, но в качестве его слуха, который первый определяет поэтом этим произносимое. Выбор слов всегда выбор судьбы, а не наоборот, ибо определяет сознание — читающего, но еще в большей мере пишущего; сознание, в свою очередь, определяет бытие.

ния которого (от безвестности к славе) чуть ли не предопределена. То ощущение задушевного разговора двух интимно беседующих друг с другом и читателя, понимающих друг друга с полуслова, не исчезло и после того, как стихи Бродского (как и сведения о его жизни и успехах) стали приходить из-за границы, не исчезло, хотя и, конечно, изменилось после его переезда в Америку.

Михаил БЕРГ

Усталый гений

советская власть, Советский Союз, а присутствовал принципиально иной семантический ряд — возлюбленное отечество, держава, империя. Дело не в том, что Бродский воспринимал советскую власть расширительно как Империю, для его поэтики важна была только Империя, просветляющая сквозь плену советских реалий. Иначе говоря, он намеренно архализовал конфликт, придавая ему черты вечности: противостояли двое — Империя и опальный Гений, в ней рожденный, но как бы сразу принадлежавший всему миру и истории.

ПЕРВЫМ, кто узнал в Бродском Бродского, был, несомненно, его круг: если бы этот круг не принял его, не принял бы таким, какими он артикулировал себя, совершенно неизвестно, как бы все случилось потом. Именно ближайшее окружение Бродского согласилось с его ролью, легитимировало ее и транслировало свое признание дальше. А амбиции Бродского были самого высокого ранга: и здесь важно не то, что он ощущал себя гением, а то, что и вел себя как гений. Это принципиальная позиция и невероятно трудная роль — русские поэты редко ведут себя как гении. В нашем веке так поступали футуристы, скажем, Северянин и Маяковский. Бродский тоже, несомненно, возмущал спокойствием, его поведение также выламывалось сквозь рамки, но не столько приличий, сколько установлений. Непризнанный гений и одиозное, претенциозное, амбициозное поведение. Но отличия не менее разительны. Бродский вел себя не как романтический, а как демократический гений.

В лирическом герое Бродского (с отчетливой автобиографичностью гримом) читатель узнавал лакомую биографию современника, который совершал, которому удавалось все то, чем мечтал (а порой и не смел мечтать) читатель. Это делало его стихи жадно ожидаемыми аудиторией. Весь сказочный хрестоматийный антураж был в наличии, все канонические реалии, что так импонируют и подкупают читателя, присутствовали в его биографии: нищенское существование, судебная расправа за стихи, жадные толпы поклонников на каждом чтении, внимание наиболее авторитетных советских поэтов и деятелей культуры (от Чуковского до Ростопчина), затем высылка за границу, где он опять оказывался самым удачливым из всех эмигрантов. Магический нибб удачи создавал поле, в котором его стихи (лирический автопортрет эпохи) получали самую выгодную и притягательную подстветку, они сверкали, как бусинки пота на лбу увенчанного заслуженными лаврами актера, которого Режиссер активной рукой выводит на сцену. Но актер, игравший самого себя, играл свое время. Миф, что вроде бы сам собой творился вокруг Бродского, только способствовал более проникновенному восприятию стихотворных текстов, в которых авторский эгоцентризм становился манифестом целого поколения. Сначала разговорная интонация в настроенной на высокий лад поэтике со столь важными иноязычными присадами, затем отчетливое превращение в стихи лирической биографии — все это и позволяло ему почти сразу занять наиболее почетную и вакантную лунку опального поэта, инверсия положе-

В случае Новикова — и в случае его поколения вообще — словарный состав определяет еще и бытие. Новиков — чистый лирик, и стихи его совершенно беззащитны. Он говорит не "от имени", и трудно представить ауди-торию, ему аплодирующую: то, к чему поэзия наша опытно-таки сильно привыкла за минувшие десятилетия. И беззащитность эта, в свою очередь, извлекает читателя от хронологических сомнений. Голос Новикова — голос человека в раздробленном, атомизированном обществе, где пост более не антипод государя или власти вообще и поэтому лишен гарантии быть услышанным, не говоря — пьедестала. В этом смысле голос Новикова — голос из будущего, как, впрочем, и из прошлого, ибо он в высшей степени голос частный.

Поэзия нашей, судя по всему, придется к этой тональности привыкнуть, и "Окно в январь" для этого — неплохое начало. Если вычлени из этого сборника его содержание — занятие применительно к поэзии всегда пагубное, — можно было бы сказать, что эта книга — не приращивание: психологической и буквальная. Заслуга автора, однако, прежде всего в том, что из неприкаянности этой он события не делает, воспринимая ее скорее как экзистенциальную норму. В способности к заочному заведомо трагического материала в скобки как самоочевидного и комментарий не заслуживающего — большое достоинство,

человеческое и поэтическое, Дениса Новикова.

За скобками звучит речь человека не слишком веселого, но свободного. Свободною прежде всего от надежды на успех и от ощущения значительности своей роли поэта. "Окно в январь" — разговор с самим собой, а говоря с собой, человек не повышает голоса и не кричится. Говоря с собой, человек сам себя слышит довольно отчетливо и потому принужден говорить правду. Поэтому если в стихах Новикова слышен упрек, то это упрек самому себе, а не миропорядку и во всяком случае — не обществу. Уже в этом одном — разительная самостоятельность данного поэта, чьи отношения с обществом сводятся, в лучшем случае, к формуле "Нет — так нет".

Новиков, безусловно, не новатор — особенно в бульварном понимании этого термина, но он и не архивист — даже в тыняновской. Средства его — средства нормативной лексики русской поэтической речи, как они сложились у нас за 250 лет существования нашей изысканной словесности. Они его вполне устраивают и владеют он ими в совершенстве, уносящая свою речь изрядной долей словаря своей эпохи. Это может вызвать нарекания пуристов, упреки в засорении языка, рисовке и т.п. На деле же лексический материал, употребляемый Новиковым, есть современный эквивалент фольклора, и происходящее в его стихах есть по существу процесс освоения вышеупомянутых средств нашей изысканной словесности, процесс овладения новым языковым материалом.

Процесс этот — органический и неизбежный, и Новиков, а с ним и все современное ему неизвестное племя — процесса этого только современная часть. За этим процессом стоит логика эволюции языка, и заслуга отдельного поэта тут невелика.

Разумеется, сознание нынешней публики сильно засорено терминологией авангарда. Но авангард на сегодняшний день есть по существу термин рыночный, ни метафизической, ни семантической нагрузки ныне не несущий. Говоря

грубо, концепция авангарда приемлема в начале или в середине столетия, но никак не в его конце; тем более — в конце тысячелетия. Авангард — по сравнению с чем? Сегодня это не более, чем вывеска лавочника, стремящегося привлечь покупателя, и на этот лавровый лист Новиков, думается, не претендует. На что "Окно в январь" и его автор претендовать имеют полное право — это на роль инструмента родной речи.

Инструмент этот — твердый, режущий. Не слух и не правду-матку, но ту материю, из которой соткан человеческое существование: режущий время. От стихов Новикова возникает ощущение пера, движущегося с ускорением души, преодолевающего тяготение эпохи и биографии: души, уступающего тяготению вове. Главное достоинство "Окна в январь" именно в свидетельстве этого ускорения, этого вектора. Лучшее, что читатель может сделать с этой книгой, это именно прочесть ее от начала до конца. Сделав это, он обретет современника, чье присутствие делает настоящее более выносимым и будущее — приемлемым. Точнее: делает их более преодолимыми.

Взгляд, брошенный в "Окно в январь" Денисом Новиковым, — взгляд, брошенный вове. Увиденное им увидено невооруженным глазом, разрешающая способность которого, тем не менее, обладает большим сходством с телескопом, нежели с инструментом, наблюдающим бесконечно малое. Взгляд этот — твердый, пристальный; но время требует именно этой оптики, не будучи зеркалом.

Иосиф БРОДСКИЙ

Январь 1995

Иосифу БРОДСКОМУ

Век закончился смертью твоею.
Прощай и прости,
о последний бессмертный, мечта
о бессмертии наша.
— Рыжий, рыжий! — кричали
подмостков земных травести,
цирка старого зрители.
Цирк этот — полная чаща
и любое на выбор из двух полушарий
Земли,
показавших изнанку, прикрывшихся
куполом неба.
Ты последний, кого этой чащей
не обнесли.
Расплекал? Не допил? Я не знаю.
Я знаю, что недо-
путешествовал с нами до
тысячелетней черты,
а она и разделит, и перечеркнет
слишком много...
Век закончился раньше столетия.
И тобы тыщты
перед нами, и ангел с мечом — у порога.
Олег ХЛЕБНИКОВ

Том четвертый
— не последний...

Такое вот совпадение — драматическое и знаменательное: почти одновременно с сообщением о смерти Бродского появился четвертый том собрания его сочинений, выпущенный издательством "Пушкинский фонд" в янвеле городе поэта, на берегах Невы. Собрание так и планировалось — четырехтомным, и этот том по содержанию и структуре был заключительным.

В него вошли, в частности, стихи последних лет, а также стихи, извлеченные автором из своего архива за многие годы, нередко переработанные, — говорит член совета "Пушкинского фонда" и редактор журнала "Звезда" Яков ОРДИН. — И не только стихи, но и эссе, и драматургия. Хотелось бы назвать, например, размышления о поэтике платоновского "Котлована". Написанные давно и ставшие послесловием к американскому изданию этого произведения в 1973 году, они представляют собой одно из самых глубоких толкований Андрея Платонова. Здесь же — эссе о Достоевском, парадоксальная, ранее публиковавшаяся у нас в журнале проза "Коллекционный экспонат" о знаменитом развешен Киме Фабус — тонкий философский анализ ситуации. Ником пока еще не собранную библиотеку путевых заметок русских писателей смогут пополнить очерки Бродского "Посвящается позновочному" (о Латинской Америке) и "Путешествие в Стамбул". Наконец, в этом же томе читатели найдут два драматических сочинения: "полнометражную" пьесу "Мрамор" и одноактную под названием "Демократия". Наконец, не могу не сказать, что выход четвертого тома стал событием благодаря Киме Фабус — тонкий философский анализ ситуации. Ником пока еще не собранную библиотеку путевых заметок русских писателей смогут пополнить очерки Бродского "Посвящается позновочному" (о Латинской Америке) и "Путешествие в Стамбул". Наконец, в этом же томе читатели найдут два драматических сочинения: "полнометражную" пьесу "Мрамор" и одноактную под названием "Демократия". Наконец, не могу не сказать, что выход четвертого тома стал событием благодаря Киме Фабус — тонкий философский анализ ситуации. Ником пока еще не собранную библиотеку путевых заметок русских писателей смогут пополнить очерки Бродского "Посвящается позновочному" (о Латинской Америке) и "Путешествие в Стамбул". Наконец, в этом же томе читатели найдут два драматических сочинения: "полнометражную" пьесу "Мрамор" и одноактную под названием "Демократия".

В него вошли, в частности, стихи последних лет, а также стихи, извлеченные автором из своего архива за многие годы, нередко переработанные, — говорит член совета "Пушкинского фонда" и редактор журнала "Звезда" Яков ОРДИН. — И не только стихи, но и эссе, и драматургия. Хотелось бы назвать, например, размышления о поэтике платоновского "Котлована". Написанные давно и ставшие послесловием к американскому изданию этого произведения в 1973 году, они представляют собой одно из самых глубоких толкований Андрея Платонова. Здесь же — эссе о Достоевском, парадоксальная, ранее публиковавшаяся у нас в журнале проза "Коллекционный экспонат" о знаменитом развешен Киме Фабус — тонкий философский анализ ситуации. Ником пока еще не собранную библиотеку путевых заметок русских писателей смогут пополнить очерки Бродского "Посвящается позновочному" (о Латинской Америке) и "Путешествие в Стамбул". Наконец, в этом же томе читатели найдут два драматических сочинения: "полнометражную" пьесу "Мрамор" и одноактную под названием "Демократия". Наконец, не могу не сказать, что выход четвертого тома стал событием благодаря Киме Фабус — тонкий философский анализ ситуации. Ником пока еще не собранную библиотеку путевых заметок русских писателей смогут пополнить очерки Бродского "Посвящается позновочному" (о Латинской Америке) и "Путешествие в Стамбул". Наконец, в этом же томе читатели найдут два драматических сочинения: "полнометражную" пьесу "Мрамор" и одноактную под названием "Демократия".

И вот что важно в связи с этим подчеркнуть: еще в октябре 1991 года нью-йоркский нотариус Дэвид Миндлин оформил доверенность, согласно которой гражданин США Иосиф Бродский назначал "Публичное объединение "Пушкинский фонд", находящееся по адресу: СССР, 191186, Ленинград, Набережная Мойки, 12" своим представителем в нашей стране "с правом вести все дела по изданию моих произведений на территории СССР, а также получать вознаграждение за такое использование". Это же доверенность "Пушкинский фонд" исполнилось вести все гражданские дела, связанные с использованием произведений поэта.

При жизни пост внимательно следил за изданием своих произведений на родине, лично санкционировал публикации, всякий раз ставя пазз в известность "Пушкинский фонд". Сейчас, когда его не стало, возникла необходимость обнародовать выданную нам доверенность.

Значит ли это, что только "Пушкинский фонд" имеет право издавать Бродского в России?

Нет, конечно. Но получить у "Пушкинского фонда" разрешение необходимо. Мы вправе, более того — обязаны проверить и удостоверить правильность публикации. Кроме того, наша обязанность проследить, чтобы наследники Бродского, живущие в нашей стране, получали все, что им причитается.

Илья ФОНЯКОВ,

соб. корр.
"Литературной газеты"